

«Отелло» как профиллактика

супружеских измен

Возвращение блудного тенора из Люксембурга в Питер

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

— Объездив полмира, вы сейчас не заразились всемирной аэрофобией?

— Летать я все равно буду, вне зависимости от чего бы то ни было. Просто должен. Не мне решать, от чего я умру. Гораздо больше вероятности найти свою смерть где-нибудь на автобане, на скорости 200 километров в час. И я не думаю, что так уж рисковую. В Россию я прилетел со всей своей семьей. Быть постоянно в разъездах и не видеть близких — это не жизнь.

— Когда вы работали в Новосибирской оперетте, вы могли себе представить, что спустя несколько лет станете солистом Metropolitan?

— Это мне не могло присниться даже в самом кошмарном сне. В то время я лишь мечтал спеть Петрушку в одном из детских спектаклей в Новосибирском театре оперы и балета. Я просто хотел петь в опере второстепенные партии. Я безумно любил оперу, а первые партии петь не умел. Я никогда не был тем солдатом, который мечтает стать генералом.

— А сегодня вы гордитесь собой?

— Нет, слава Богу. Гордыней меня судьба не изуродовала. Если бы я был наделен этим чувством, то, наверное, вообще утратил бы способность петь.

— А о чем вы мечтаете?

— Моя самая большая мечта — хотя бы дней двадцать отдохнуть. Один раз за много лет так получилось, что я полтора месяца не работал, так я был просто растерян от счастья. Живя на Западе, просто необходимо работать в столь жестком режиме — там совершенно иной уровень расходов.

— Опера теперь имеет для вас только меркантильный побудительный мотив?

— Это вопрос очень сложный. Я люблю свою работу. Но, чтобы я получал от нее истинное удовольствие, надо, чтобы и дирижер, и режиссер, и партнеры полностью соответствовали моим желаниям. А если хотя бы одно из звеньев этой цепочки выпадает, то вместо удовольствия получается каторга. Я вообще думаю, что нынешние режиссеры губят оперное дело. Они ставят свои, в основном извращенные, спектакли по заранее заготовленным клише, и вся их идея — перевернуть мир с ног на голову. Но, к счастью, сегодня я имею возможность выбирать театры, оперы, контракты. Это немного облегчает жизнь.

— Почему вы избегаете лирических партий, ведь именно они приносят тенору наибольшее число почитателей?

— Я их ненавижу. А те партии, что я пою, — Отелло, Радамес, Игрок, Герман... — это роли для настоящих мужчин. Их поют только оперные тяжеловесы.

— И какая роль вам наиболее родственна?

— Игрок, наверное. В моей молодости было что-то в этом роде. Не рулетка, но это сумасшествие от страсти и неважной любви я постиг на собственном опыте. И сейчас мне очень интересен Отелло. Я люблю эту роль. У меня очень молодая жена. И я ей должен постоянно напоминать, что бывает, когда жена дает повод для ревности.

— И часто жена ходит слушать вашего Отелло?

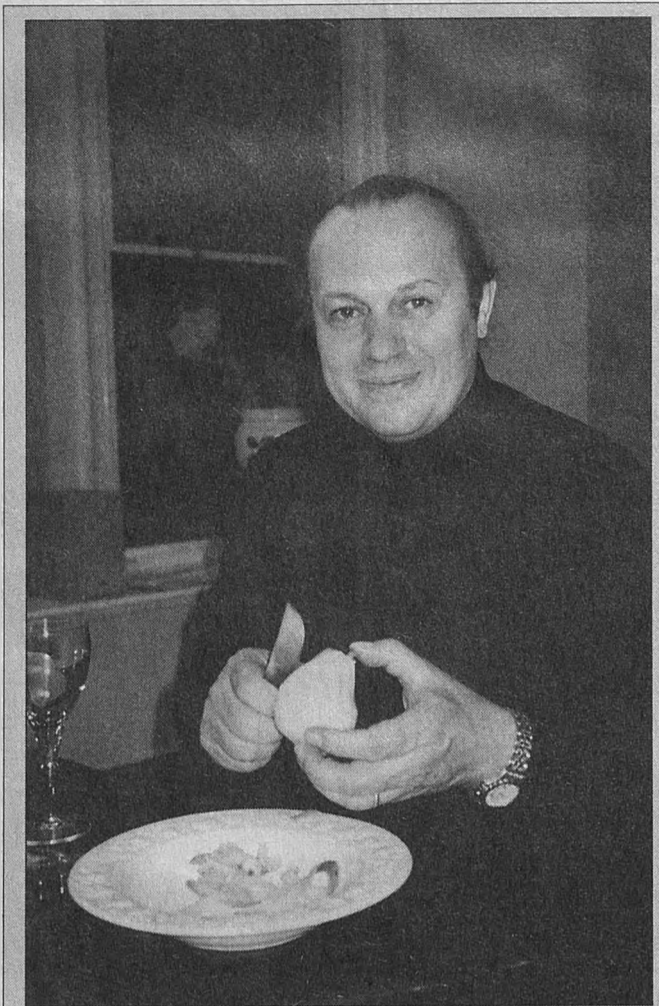
— Я ее настраиваю, чтобы ходила всякий раз. В качестве профилактики от семейных неурядиц. Вот такой гуманный подход. Потому что во всех бедах мужчины всегда виновата женщина. Из-за них даже войны начинались.

— А как вы ревнуете Дездемону на сцене?

— Разве что только не кусаю.

— Вы ревнивы и в жизни?

— Да. Я этого не скрываю. В любви сильнее всего. В профессии я стараюсь радоваться, если вижу человека, который в чем-то лучше меня, отношусь к этому с оптимизмом. У каждого своя звезда, своя планета. Поначалу я дергался, думал: почему он поет эту партию, а вроде бы не должен? А потом перестал. Я работаю в тех же самых театрах. Зарабатываю те же самые деньги, но только про меня не говорят все газеты наперебой. И это даже хорошо. Вот Pepsi рекламируют на каждом углу, а французского тридцатилетнего вина нет. Его пьют не все, а только те, кто знает толк в жизни. И у меня есть люди, которые за мной ездят по всему миру, сумасшедшие немножко, и это приятно. Я не ищу себе работу,

Шесть лет назад тенор Владимир ГАЛУЗИН оставил Мариинский театр. За прошедшее время он успел стать подданным герцогства Люксембург и не раз выступал на всех самых знаменитых оперных сценах мира — от La Scala до Metropolitan. Только Большого театра пока нет в этом «донжуанском» списке. Обещанная на днях попытка дебюта в «Пиковой даме» сорвалась — за пару часов до выхода на сцену у певца разыгрался приступ аллергии, и выступление было отменено. Может быть, петербуржцам повезет больше — как то обещают афиши, в городе на Неве смогут услышать Галузина — Отелло первого ноября. Галузин на сцене — это обязательно сильный драматический образ. Мощью и страстью он нивелирует любые намеки на хрестоматийную теноровую лиричность, граничащую со слащавостью. Тенор-душка не его амплуа. Он всегда главный и властный герой.

театры умоляют меня выступить. И это меня устраивает. Для меня самое главное, что я сам себя высоко ценю, этого мне достаточно. Я, просто занимаюсь любимым делом, зарабатываю хорошие деньги. Меня абсолютно не волнует: появится ли моя фотография на первой странице завтрашней газеты и кто там что обо мне написал.

Теперь я боюсь таких слов, как карьера или звезда. Все эти понятия надо становиться суперзвездами, чтобы люди получали правильные примеры... — Сегодня, к сожалению, певцы не становятся суперзвездами, а их делают таковыми люди, для которых опера — это не искусство, а прибыльный бизнес. А певец — это хорошо продаваемый товар.

— Где вам проще быть главным героем — в жизни или на сцене?

— В жизни я совершенно другой человек. Моими делами в основном занимается моя жена. Многие бытовые вещи я спихиваю на нее. Она знает все языки, и это очень мне упрощает жизнь. Она жена, секретарь-консультант, домработница. Пока молодая, пусть тянет эту ляжку.

— Вас не пугает собственный цинизм?

— Это не цинизм. Это реальность. К сожалению, я так много работаю, что в круговороте гастролей не могу заниматься бытом, домом. Я могу просто общаться с детьми, а вникать в их проблемы и воспитание по-настоящему у меня нет ни сил, ни времени. Поэтому за все эти вещи отвечает жена. Ведь проблема еще в том, что я лишь чуть-чуть понимаю и говорю по-итальянски и по-французски, а после репетиций и спектаклей просто нет сил садиться за учебники. Но уже сам себе слово дал, что через год я буду знать французский. Мне ужасно интересны секреты дочери и жены.

— А какой театр наиболее адекватен вашему «Я»?

— Конечно, сейчас Metropolitan — самый профессиональный в мире театр. У них есть большие

деньги, и они могут себе позволить приглашать любых исполнителей. И если удастся попасть на умного режиссера, то будет очень хороший спектакль. Как это получилось с «Игроком» Прокофьева. Можно было снимать с репертуара все остальные постановки и оставлять один этот, потому что это был настоящий прекрасный оперный театр. Остальные, может быть, музыкально и здорово сделаны, но по театру — все это чушь. И теперь я мечтаю сделать с Темуром Чхеидзе еще «Пиковую даму» и «Отелло».

— А Мариинский остался для вас родным театром?

— Мне нравится туда возвращаться. Я по-прежнему считаю себя певцом Мариинского. Совсем не часто встречаешься на Западе с русскими певцами. И когда видишь сразу так много своих прежних коллег, это очень трогательно. Единственный момент, который всегда бывает не очень симпатичен, так это то, что, увидев тебя, люди тут же начинают жаловаться на свою тяжелую жизнь. Слушать неприятно, будто ты сам в их бедах виноват, хотя, конечно, понимаешь, что они ищут сострадания. Но ведь нам всем чего-то недостает в жизни.

— А как вам работаете с партнерами, которые значительно ниже вас по профессиональному уровню?

— Я не хочу на эту тему говорить. Скажу лишь одно: жизнь хорошо научила меня приспосабливаться и работать в предлагаемых обстоятельствах. Бывали ситуации, когда мне приходилось весь спектакль вытаскивать на себе. Я не скандальный человек. Стараюсь быть спокойным. И молча подчиняюсь всем — дирижеру, режиссеру, администратору. Все, как в контрактах написано. А иначе будет не только нервотрепка, но и хаос. Поэтому, согласен я или нет, я не должен нарушать канву спектакля. На сцене я подневольный человек.

— А в жизни?

— По натуре я очень свободолобив. Но за годы своей европейской жизни я очень изменился. Стал более степенным, рассудительным, менее нервным. Это раньше я совершал уйму смелых, неожиданных даже для самого себя, поступков. Чего стоит переход из баритонов в теноры. Ведь меня тогда никто не поддерживал. В тенорах я чуть больше десяти лет, ну а мне чуть-чуть больше со-

рока. Лет семь я привыкал к мысли, что я тенор.

— Галузин-баритон и Галузин-тенор — это разные люди?

— Да не было никогда Галузина-баритона, а была грубая педагогическая ошибка. Мне никто не смог помочь в Новосибирской консерватории с вокальной школой. Меня там только ломали. И я сам потихонечку, по крупицам выстроил свой голос.

— Талант вам помогает или мешает жить?

— Мне талант помогает только росту моей прибавочной стоимости. Меня страшно не устраивают в моей профессии постоянный режим и самоконтроль, перманентная боязнь простуды. Мне страшно даже чуть-чуть схалтурить, хотя, может быть, и надо бы себя немножко побережечь. Но если я сам собой не доволен, то так противно становится, настроение сильно портится. И весь этот дремучий коктейль изливается в первую очередь на жену и детей. В этом смысле талант очень мешает в личной жизни. И вообще, иногда я сам не могу понять, талантлив я или нет.

— А каким вы видите себя со стороны?

— Кажусь себе маленьким человечком, которого со стороны просто невозможно разглядеть.

— Ну а как же аплодисменты, скитающиеся по следам поклонников?..

— Я прячусь от поклонников и иногда даже черными ходами из театра скрываюсь. Конечно, приятно, когда тебя поджидает сочная толпа. Но если на улице холодно и дождь, я не хочу из-за автографов подхватить простуду.

— Вы так любите тепло, солнце, что, должно быть, мечтаете иметь дом в Африке?

— Нет. Потому что там наверняка будут проблемы с водой и электричеством, а еще я очень люблю комфорт. У меня будет свой дом в Провансе. Это место на юге Франции, где всегда тепло и солнце светит. А без солнца меня начинает пожирать депрессия. Поэтому я больше не могу жить в Бельгии, хотя моя жена и бельгийка. Но там каждый день идет дождь — это невыносимо.

Я уверен: в том, что Бельгия, Голландия, Англия — европейские лидеры по самоубийствам, прежде всего виновата погода.

— Десятилетие мировой оперной карьеры — это в большей степени профессиональный и психологический допинг или истощение?

— Разочарование. На глазах исчезают вокальная школа и публика, по-настоящему понимающая, что такое хорошо и что такое плохо. Я часто пою со сверхзвездами, которым уже давно на пенсию пора. У них уже ноги скрипят громче, чем они поют. А люди, будто глухие зомби, устраивают им такие овации, что даже неудобно при этом присутствовать.

Очень хотелось бы, чтобы мой слушатель был более образованным и сравнил голоса прошлого и настоящего. Есть же, слава Богу, старые записи. А вот все нынешние звукозаписывающие фирмы я бы просто уничтожил. Они элементарно уродуют голоса певцов. И справедливо разорилась фирма Philips. Она безобразно, халтурно работала. Всех своих записей, сделанных ею, я просто боюсь, мне стыдно за них. Даже дома их не держу, дабы кто-то ненароком не услышал, а то уважать перестанут.

— А что для вас самое главное в жизни?

— Семья. И сейчас я так много работаю, чтобы когда-нибудь потом получать удовольствие от семьи. Если Бог мне позволит, я интенсивно поработаю еще лет пять, а после этого, я уже твердо решил, полгода пою, а полгода провожу дома. Сегодня — это не жизнь, а рабство, вредное и для здоровья, и для голоса. Я считаю, что оперное пение для человеческого организма — процесс неестественный. Певец — это балетный танцовщик, только с тяжелыми гириями на ногах. Потому пора положить конец этому постоянному цейтноту, сбору-разбору чехмоданов и переездам с места на место. Уже сейчас мое расписание плотно забито до 2005 года. Не творчество, а зарабатывание денег (Правда, выступлений в России это не касается.) Нет ни секунды, чтобы остановиться, перевести дух, задуматься о чем-то серьезном и важном. Правда, говорят, что у хорошего тенора не должно быть в голове много серого вещества — резонанс будет плохим...